

*Сабинов А.П.,
магистрант программы «Безопасность государственного управления и
противодействие коррупции», ИГСУ РАНХиГС
при Президенте РФ Россия, г. Москва*

НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ КАЗАЧЕСТВА В ОБЕСПЕЧЕНИИ БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

***Аннотация:** Государственная служба российского казачества является сложным правовым явлением, выделяющимся как государственно ориентированная часть гражданского общества. В современных условиях развития службы казачества и ее видов возникает необходимость усовершенствования законодательства федерального и регионального уровней, а также локальных нормативных актов казачьих обществ.*

В статье рассматриваются совершенствование правовых основ и повышение эффективности государственной службы российского казачества в вопросах обеспечения безопасности государственного управления.

***Ключевые слова:** казачество, государственная служба, казачье общество, государственное управление*

DIRECTIONS FOR IMPROVING THE USE OF THE STATE SERVICE OF THE COSSACKS IN ENSURING THE SECURITY OF PUBLIC ADMINISTRATION

***Annotation:** The civil service of the Russian Cossacks is a complex legal phenomenon that stands out as a state-oriented part of civil society. In modern conditions of development of the service of the Cossacks and its types, there is a*

need to improve the legislation of the federal and regional levels, as well as local regulations of Cossack societies.

The article deals with the improvement of the legal framework and increasing the efficiency of the civil service of the Russian Cossacks in matters of ensuring the security of public administration.

Keywords: *cossacks, civil service, Cossack society, public administration*

1. Совершенствование правовых основ государственной службы казачества

Казачьи общества осуществляют деятельность на территории всех субъектов Российской Федерации, и принимаемые руководством нашей страны меры направлены на укрепление курса развития российского казачества, ориентированного на государственные интересы.

Вместе с тем, одной из основных проблем при реализации этих мер государственной политики является радикализация части граждан, которые считают себя казаками, что стало одной из причин разобщённости в казачьей среде, а также негативных культурно-бытовых стереотипов о казачестве.

Президент Российской Федерации Владимир Путин утвердил Стратегию государственной политики Российской Федерации в отношении российского казачества на 2021-2030 годы¹. Данный подзаконный акт главы государства выстроен в последовательной логике непринятия точки зрения о казаках как об отдельном народе. Имеет место расширительное толкование понятия «казачество», но уже не как «иной исторически сложившейся культурно-этнической общности людей», не являющейся народом, народностью или этнической группой, а как «исторически сложившейся на

¹ Указ Президента РФ от 9 августа 2020 г. № 505 «Об утверждении Стратегии государственной политики Российской Федерации в отношении российского казачества на 2021-2030 годы» // Официальный портал правовой информации // [Электронный ресурс] / Режим доступа: URL <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45821> (дата обращения: 20.04.2023)

основе взаимодействия русского народа и других народов России социокультурной общности, сформированной в ходе многовекового служения казаков Российскому государству и обществу».

Казачество является общностью казаков, «в том числе членов казачьих обществ и иных объединений казаков», то есть в расширительном толковании этого понятия право относить себя к казачеству имеет полностью дееспособный гражданин нашей страны, достигший возраста 18 лет и установленным порядком принятый в объединение казаков.

Таким образом, ключевые критерии, определяющие казачество с правовой точки зрения – это государственная служба, то есть выполняемая социально значимая функция, а также устойчивая правовая связь гражданина с зарегистрированной казачьей организацией определённой организационно-правовой формы, а не родство и происхождение. Правовой статус «казак» является не врождённым, а приобретаемым.

Единственной казачьей организацией, напрямую упомянутой в тексте, является Всероссийское казачье общество, объединившее реестровые войсковые казачьи общества. Это даёт основания полагать, что именно централизованному реестровому казачеству отводится особо важная роль.

Профильный федеральный орган, который занимался бы исключительно государственной политикой в отношении казачества, отсутствует. После упразднения Министерства регионального развития Российской Федерации его функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере взаимодействия с казачьими обществами были переданы Министерству юстиции [3, с. 33].

На данный момент взаимодействие с казачьими обществами, утверждение Уставов некоторых казачьих обществ, разработка и реализация программ и мероприятий в сфере государственной политики Российской Федерации в отношении российского казачества отнесены к ведению Федерального агентства по делам национальностей, в то время как вопрос о

признании казаков национальностью не рассматривается на уровне руководства страны, и в этом выражается определённое противоречие.

В этой связи наиболее целесообразным и логичным путём решения данной проблемы является создание государственного органа, схожего по наименованию и сфере ответственности с ранее действовавшим Главным управлением казачьих войск при Президенте Российской Федерации.

При этом сложилась ситуация, когда обязательства по несению государственной службы исполняются по согласованию с уполномоченными государственными органами представителями некоммерческих организаций, внесённых в специальную систему учёта, ведение которой осуществляется государством, но создаваемых при этом без государственного участия.

Вместе с тем, государство в публичных и частных правоотношениях является полноценным субъектом – обладает всеми необходимыми правами и обязанностями, в том числе может создавать различного рода организации, что обусловлено необходимостью решения определённых задач.

Федеральное законодательство предусматривает возможность существования государственно-общественных и общественно-государственных объединений, то есть общественных объединений, создаваемых с участием государства [5, с. 73-83].

Указанные объединения не заявлены как отдельные организационно-правовые формы, однако ошибочно было бы отрицать их фактическое существование ввиду сложившейся практики создания такого рода объединений и регистрации их в органах юстиции (ДОСААФ России, Российское движение школьников и др.).

Периодически у государства возникает необходимость формирования подобий общественных организаций, сходных с ними по существу, или «опеки» полезных общественных инициатив, которые без государственной поддержки не могут в полной мере реализовать свой потенциал.

При этом в качестве цели государственной политики в отношении

казачества заявлено привлечение его к решению государственных задач именно на основе общественно-государственного партнёрства.

В этой связи одной из мер по совершенствованию правовых основ казачества может стать уже назревшая разработка и принятие Федерального закона «Об общественно-государственных и государственно-общественных объединениях», к числу которых следует отнести казачьи общества, изъяв их из категории некоммерческих организаций.

При разработке проекта данного закона следует принять во внимание опыт Республики Беларусь, где действуют общественно-государственные организации и подобный закон был принят.

Казачьи общества в этой связи следовало бы считать уже не формой самоорганизации граждан, а формой взаимодействия государства и граждан – добровольными, но подконтрольными и подотчётными органам государственной власти и органам местного самоуправления муниципальных образований некоммерческими формированиями, создаваемыми по инициативе граждан или государства и объединяющими граждан на основе общности интересов для достижения общих целей, разумно сочетающими в своей деятельности самоуправление (например, в решении решении внутренних вопросов) и подконтрольности государству в решении поставленных им задач [11, с. 120].

Существующие на сегодняшний день общественно-государственные и государственно-общественные объединения выступают как способ решения масштабных общественных вопросов социального, культурного, экономического и иного характера, в частности вопросов патриотического (военно-патриотического) воспитания граждан, подготовки к военной службе граждан, пребывающих в запасе, участия в ликвидации последствий стихийных бедствий, аварий, катастроф и других чрезвычайных ситуаций.

Законодательство в принципе не исключает и возможности делегирования общественно-государственным (государственно-

общественным) объединениям отдельных полномочий.

Для казачества, например, переход в категорию общественно-государственных организаций мог бы повлечь расширение полномочий казачьих обществ по участию в обеспечении охраны объектов, находящихся в государственной и муниципальной собственности и объектов культурного наследия, в том числе религиозного назначения.

Органы управления казачьих обществ должны формироваться с обязательным учётом участия государства в их деятельности. Высший и постоянно действующий органы управления в таком случае будет объединять представителей всех участников такого объединения, но при этом для контроля за целевым использованием переданного государственного имущества и денежных средств, выполнением поставленных государством задач и реализации переданных полномочий, может быть создан наблюдательный (контрольный) орган, состоящий из представителей государственных органов и обеспечивающий соблюдение государственных интересов в деятельности казачьего общества. На сегодняшний день неким прообразом таких органов являются Совет при Президенте Российской Федерации по делам казачества, а также постоянные окружные комиссии и рабочие группы по делам казачества, сформированные в федеральных округах, регионах и муниципалитетах соответственно [14, с. 200].

На сегодняшний день атаман Всероссийского казачьего общества и войсковых казачьих обществ назначается и утверждается Президентом Российской Федерации соответственно, кандидаты на должности атаманов отдельных и окружных казачьих обществ проходят перед вынесением на голосование выборных казаков процедуру согласования войсковым атаманом и высшим должностным лицом региона.

Путём правовой аналогии возможно и необходимо установить обязательность согласования кандидатур атаманов первичных (городских, хуторских, станичных) казачьих обществ вышестоящим атаманом и Главой

соответствующего муниципального образования.

Двойственность имущественного положения казачьих обществ также отвечает сущности именно общественно-государственных объединений и выражается в самофинансировании деятельности в сочетании с государственной и муниципальной бюджетной поддержкой.

Нахождение части имущества, используемого казачьим обществом и переданного ему на праве безвозмездного пользования, не исключает наличия у казачьего общества собственного имущества, приобретаемого за счёт пожертвований и взносов, предусмотренных законодательством и учредительными документами. Также имущество, созданное за счёт средств казачьего общества, является его собственностью, а размеры взносов устанавливаются самостоятельно с учетом особенностей участников.

Однако в связи с прямым участием государства в деятельности таких объединений они не должны иметь права получать пожертвования от иностранных граждан и организаций, лиц без гражданства и международных организаций, что создавало бы угрозу стороннего вмешательства в осуществление государством своих функций, в процесс его взаимодействия с гражданами, что подпадает под основания для ограничения прав, перечисленные в основном законе страны [18, с. 63].

Данное ограничение не только соразмерно, но и восполнимо мерами государственной поддержки, на которые общественно-государственные (государственно-общественные) объединения могут рассчитывать вследствие участия государства, его органов и организаций в их деятельности. Как в случае с политическими партиями и некоторыми другими структурами, меры государственной поддержки здесь должны выполнять в определённой степени компенсационную функцию по отношению к ограничениям источников финансирования этих организаций.

В целом существующей на данный момент практики не вполне хватает для регулирования создания, деятельности и ликвидации казачьих обществ в

случае их перехода в категорию общественно-государственных объединений, определения их правового статуса по отношению к общественным объединениям и некоммерческим организациям. Правовые аналогии допустимы, но обязательно с учётом специфики казачества и выполняемых им государственно значимых функций.

Государственную службу российского казачества как сложное правовое явление следует выделить в качестве отдельного вида государственной службы, находящегося в ведении Российской Федерации, путём внесения изменений в соответствующий закон, а также принять Федеральный закон «Об общих принципах организации казачества в Российской Федерации», который установил бы единообразный на всей территории страны порядок принятия гражданина в казачье общество, общие принципы формирования и функционирования руководящих и контрольных органов казачьих обществ, основания для исключения гражданина из казачьего общества, а также полномочия органов государственной власти и местного самоуправления муниципальных образований в отношении казачьих обществ [19, с. 75-79].

В случае такого развития событий возникает предпосылка к признанию утратившими силу всех действующих региональных законов, посвящённых деятельности казачества (Санкт-Петербург, Свердловская область и др.), необходимость принятия подобных законов в других субъектах Российской Федерации исчезает. Более того, создаются условия для пересмотра обоснованности существования «многоуровневой» системы Уставов казачьих обществ, многие положения которых дублируют друг друга или вступают в противоречие.

Сближение правового статуса казака со статусом государственного служащего уже стало чётко наметившейся тенденцией. В этой связи одним из факторов повышения престижности государственной службы российского казачества может и должно стать распространение на представителей реестрового казачества ограничений и мер ответственности, характерных для

государственных служащих, но с учётом специфики казачества на современном этапе развития.

Например, гражданин, занимавший должность атамана казачьего общества на момент ликвидации данной организации по решению суда, должен быть ограничен в пассивном избирательном праве избираться на должность атамана, а также в руководящие и контрольные органы казачьих обществ в течение нескольких лет.

Также целесообразно установление прямого запрета на принятие в казачьи общества граждан, имеющих не снятую или не погашенную в установленном федеральным законом порядке судимость по аналогии с государственными гражданскими служащими.

Указаниями Начальника Генерального штаба Вооружённых Сил Российской Федерации определён перечень воинских частей, комплектуемых казаками. В данных частях, в свою очередь, определяются «казачьи» батальоны, роты, взводы.

Военнослужащие могут состоять в общественных объединениях, не преследующих политические цели, и участвовать в их деятельности, не находясь при исполнении обязанностей военной службы [17, с. 57].

В этой связи необходимо организационное обособление военнослужащих-казачков не только в формате казачьих воинских подразделений, но и в формате первичных казачьих обществ, состоящих из военнослужащих.

Первым подобным прецедентом в масштабах всей страны стало создание и государственная регистрация в 2019 году Наро-Фоминского хуторского казачьего общества «Кантемировец», внесённого в Государственный реестр казачьих обществ в Российской Федерации и объединившего военнослужащих войсковой части 19612 (4-я гвардейская танковая Кантемировская ордена Ленина Краснознамённая дивизия имени Ю.В. Андропова), расположенной в Московской области [16, с. 242].

В связи с этим одним из показателей эффективности выполнения Стратегии государственной политики Российской Федерации в отношении российского казачества на 2021-2030 годы можно определить создание первичных казачьих обществ из числа военнослужащих всех воинских частей и соединений, отнесённых к комплектуемым казаками.

Важно, что на сегодняшний день границы военных округов и территорий деятельности войсковых казачьих обществ определены таким образом, что ни одно казачье общество не осуществляет деятельности на территории двух военных округов одновременно.

Таким образом, совершенствование существующих правовых основ должно служить цели возрастания взаимного влияния и взаимной ответственности казачества с одной стороны и органов государственной власти совместно с органами местного самоуправления с другой стороны.

Своеобразное «юридическое огосударствление казачества», то есть законодательное закрепление и усиление государственного и муниципального влияния на него – объективная необходимость, отвечающая вызовам времени и имеющая крайне важное значение для решения задач, находящихся «на стыке компетенций» публичной власти и гражданского общества.

2. Повышение эффективности государственной службы казачества в вопросах обеспечения безопасности государственного управления

«Казачество на современном этапе его развития можно

охарактеризовать как государственно ориентированную часть гражданского общества. Потенциал казачества в этой связи необходимо целесообразно использовать в государственных интересах. Законодательство о российском казачестве является ярко выражено «живым» – в него часто вносятся изменения концептуального, а не только редакционного или терминологического характера. Оно находится на этапе «тонкой отладки» – обнаружения и устранения противоречий и ошибок, «выравнивания перекосов» [1, с. 61].

«При этом нередко сами граждане, заявляющие о своей принадлежности к казакам, являются приверженцами правового нигилизма, то есть характеризуются незнанием законодательства, своих прав и обязанностей, пренебрежительным отношением к ним. Особое внимание государства к казачеству проявилось на формально-юридическом уровне и в том, что в ходе внесения изменений в Гражданский кодекс Российской Федерации, принятых в 2014 году, когда многие формы организаций прекратили существовать или были трансформированы, казачьи общества сохранились в качестве самостоятельной формы юридических лиц» [2, с. 119].

Это косвенно подтверждается и на уровне более позднего правотворчества, в том числе на уровне регионов. Например, в Ярославской области государственная поддержка развития казачества интегрирована в качестве подпрограммы в Государственную программу Ярославской области «Развитие институтов гражданского общества в Ярославской области» на 2021-2025 годы. Также на уровне высшего руководства региона приняты иные нормативные правовые акты, направленные на совершенствование сотрудничества власти и казачества.

«Поскольку существует юридическая конструкция приостановления членства в политической партии для реестровых казаков, необходимо предусмотреть по аналогии приостановление членства в казачьем обществе, чтобы избежать тем самым необходимости исключения из рядов казачества

людей, которые переходят на постоянную работу в партийные структуры и не хотят полностью терять правовую связь с казачьим обществом. Болезненным во многих регионах остаётся вопрос материального стимулирования представителей добровольных народных дружин, в том числе сформированных на базе казачьих обществ. При этом зачастую в публичном поле тиражируется не соответствующая действительности информация об отсутствии каких-либо прав и гарантий для дружинников вообще. Вопреки расхожему мнению, меры по страхованию представителей добровольных народных дружин (в том числе казаков, входящих в их состав) и иных мерах поддержки для них принимаются на разных уровнях публичной власти» [4, с. 33].

Кроме того, необходимо прямое наделение органов публичной власти всех уровней полномочиями на законном основании участвовать в реализации государственной политики в отношении российского казачества через дополнение соответствующей нормой закона об общих принципах организации публичной власти в регионах.

Необходимо также законодательно закрепить, что на одной и той же территории может действовать только одно реестровое казачье общество каждого соответствующего уровня.

«При таком развитии событий поддержка казачьих обществ в рамках муниципальных целевых программ может стать по своей природе не конкурсной, а адресной, и нормативное регулирование утверждения Уставов казачьих обществ на уровне органов местного самоуправления как муниципальной услуги, предоставляемой ими самими, окончательно утратит актуальность. На примере Ярославской области можно сделать вывод, что правотворчество органов местного самоуправления муниципальных образований, где действуют наиболее организованные и эффективные казачьи общества, касается вопросов рабочих групп по делам казачества. Другим направлением является принятие муниципальных целевых программ по

поддержке казачьих обществ, их уставной деятельности» [8, с. 402].

Дискуссионным остаётся вопрос о женской реестровой казачьей форме. Например, вопрос о самой возможности ношения женщиной казачьей формы является конфликтогенным с точки зрения реакционно настроенных граждан.

«Фактическое восполнение существующего пробела в правовом регулировании этого вопроса осуществляется путём применения по аналогии нормативно-правовой базы о форменной одежде для женщин, проходящих службу в Вооружённых Силах Российской Федерации и Министерстве внутренних дел, иных силовых ведомствах. Для полноценного решения этой задачи необходимо прямо предусмотреть правила пошива и ношения женской казачьей формы с учётом определённой специфики казачества, то есть внести изменения в существующий подзаконный акт, подписанный главой государства, а также соответствующий приказ Министерства регионального развития» [12, с. 220].

«Казачьим обществам как социально ориентированным некоммерческим организациям по всей стране необходимо активизировать работу по включению в реестр исполнителей общественно полезных услуг. Данный статус будет востребованным и позволит казачьим обществам стать более устойчивыми, а также получить ряд возможных преимуществ и преференций в сравнении с иными организациями, в том числе в вопросах передачи государственного имущества или более полноценного участия в иных целевых программах, связанных с видами службы, обязательства по которым исполняют казаки. На сегодняшний день для организации данного процесса существует качественно проработанная и логически завершённая нормативно-правовая база» [13, с. 192-195].

Широкую поддержку в среде реестрового казачества имеет идея о передаче объектов, находящихся в государственной и муниципальной собственности, охранным организациям, учреждённым войсковыми казачьими обществами, без проведения торгов.

«При этом антимонопольное законодательство не «пропускает» преференций в контрактной системе закупок товаров и услуг, что на уровне понятийного аппарата разнится с государственной и иной службой, обязательства по несению которой принимают на себя реестровые казаки и которая не является по своему правовому смыслу оказанием услуг. Наличие первичных казачьих обществ, не входящих в состав вышестоящих структур, можно также считать своеобразным проявлением конкуренции. При этом в условиях централизации казачества, сближения правового статуса казака с правовым статусом государственных служащих и представителей силовых структур, где понятие внутренней конкуренции абсурдно и контрпродуктивно, вопрос о целесообразности дозволении самого факта дозволении существования таких обществ стоит довольно остро» [19, с. 75-79].

Сохраняется тенденция инкорпорации казачества в органы публичной власти, систему государственного и муниципального управления.

«Так, по результатам выборов депутатом Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации избран атаман Всероссийского казачьего общества Николай Долуда, который в новом созыве парламента стал заместителем председателя одного из комитетов. Первые лица и видные представители казачьих обществ в регионах и муниципальных образованиях входят в составы избирательных комиссий и общественных палат. Другим направлением может и должно стать трудоустройство казаков в подведомственные учреждения органов исполнительной власти (например, лесничества), а также в государственные казённые учреждения субъектов Российской Федерации, в обязанности которых вменено взаимодействие с казачьими обществами, с учётом расширения практики создания подобных учреждений в регионах» [15, с. 118].

Государственная служба – понятие обширное, в этой связи деятельность, связанную с развитием и популяризацией самобытной казачьей культуры можно рассматривать с позиций исполнения обязательств по несению службы.

«На практике представители творческих коллективов, в репертуаре которых присутствует казачий компонент, входя в ряды казачьих обществ, хоть и не всегда могут быть задействованы непосредственно в мероприятиях, связанных с государственной и иной службой, тем не менее, вносят весомый и значительный вклад в формирование положительного образа казака в общественном сознании, продвижении «бренда» казачества в публичном пространстве и медиаполе. Для создания правовой основы решения данного вопроса необходимо частично интегрировать вопросы развития и популяризации самобытной казачьей культуры в положения Федерального закона от 5 декабря 2005 года №154-ФЗ «О государственной службе российского казачества»» [13, с. 192-195].

«При этом необходимо опираться на действующие документы стратегического планирования в сфере культуры, где казаки также обозначены не в качестве отдельного народа через формулировку «изучение и популяризация, в том числе через медиапроекты, истории отечественной культуры и отечественной истории, включая военную историю, историю народов России и российского казачества». Кроме того, во избежание попыток введения людей в заблуждение заявлениями о существовании так называемого «казачьего языка» необходимо формализовать и на уровне Правительства Российской Федерации утвердить Единый перечень государственных и официальных языков субъектов Российской Федерации и муниципальных образований, где не было бы упоминаний о так называемом «казачьем языке»» [10, с. 181].

Совершенствование и приведение к единообразию законодательной базы необходимо и в отношении кадетских классов казачьей направленности.

«Необходим единый на всей территории страны комплекс условий для присвоения «казачьего» статуса общеобразовательным организациям. При этом в качестве примера можно рассматривать правотворческую практику органов исполнительной власти Краснодарского края. Например, к таким

условиям отнесены наличие более 50% классов или групп казачьей направленности, еженедельное наличие в основной образовательной программе курсов и модулей, включающих казачий компонент, а также наличие предметно-пространственной базы, демонстрирующей реализацию казачьего компонента. Регламентацию порядка открытия кадетских классов казачьей направленности и приёма в них также целесообразно унифицировать на федеральном уровне с учётом кубанской практики: открытие класса (группы) осуществляется приказом руководителя образовательной организации с согласия или по инициативе участников образовательных отношений при наличии учебно-методических, материальных и кадровых ресурсов, а приём в такие классы (группы) проводится по заявлениям законных представителей несовершеннолетних обучающихся или заявлениям самих обучающихся при условии достижения ими совершеннолетия» [9, с. 395].

Вполне обоснованным и целесообразным могло бы стать принятие совместного приказа соответствующей тематики Министерством науки и высшего образования, Министерством просвещения и Федеральным агентством по делам национальностей.

«Процесс совершенствования характерен и для предоставления государственных услуг по регистрации некоммерческих организаций, внесению казачьих обществ в специальный реестр, а также порядок его ведения. Таким же образом можно охарактеризовать и ведомственное правотворчество по вопросам утверждения учредительных документов казачьих обществ и наделения полномочиями их высших должностных лиц. Мерой, направленной на создание благоприятных условий для увеличения количества казачьих обществ, внесённых в Государственный реестр казачьих обществ в Российской Федерации, можно считать снижение необходимой минимальной численности казаков, принявших на себя обязательства по несению службы и состоящих в конкретном обществе» [7, с. 236].

Исключение некоторых казачьих обществ из Государственного реестра

казачьих обществ в Российской Федерации становится предпосылкой к тому, что в отдельных муниципальных образованиях нормативные правовые акты в отношении казачества утрачивают силу, а необходимость принятия новых становится нецелесообразной, но одним из возможных выходов становится внесение в учредительные документы иных казачьих обществ изменений, предполагающих расширение границ территорий их деятельности.

«Существование казачьих обществ, не внесённых в реестр, также требует внимания и принятия соответствующих мер. Одной из них могло бы стать введение пресекающего срока: в случае невыполнения условий о достижении установленной численности казаков и о принятии обязательств по несению службы истечение установленного срока с момента государственной регистрации казачьего общества следует определить в качестве основания для постановки вопроса о его ликвидации. Конкретные сроки должны быть установлены для каждого вида казачьих обществ отдельно, учитывая различия в необходимой численности для получения реестрового статуса. При этом действующая система принятия обязательств, которая предполагает рассмотрение соответствующих заявлений и принятие по ним решений Кругом (высшим органом управления) казачьего общества означает своего рода «двойную» ответственность каждого казака – не только перед государством в лице его уполномоченных органов, но и перед казачьим обществом, в котором он состоит на учёте, то есть перед другими казаками, сформировавшими соответствующее казачье общество» [6, с. 25].

Аналогично с точки зрения «двойной» ответственности следует рассматривать не только механизм принятия гражданина в первичное казачье общество, но и принятия казачьего общества в состав вышестоящей организации.

Особое место в совершенствовании нормативной базы должно занять привнесение в жизнь норм, способствующих формированию у населения нашей страны положительного образа современного казака.

Множественные случаи незаконного ношения казачьей форменной одежды установленного образца становятся одной из причин пренебрежительного отношения части граждан ко всему казачеству в целом.

«При наличии отсылочной нормы о привлечении к ответственности за незаконное присвоение и использование чинов, а также соответствующих им знаков отличия и формы одежды, она не наполнена юридическим смыслом: ни в одном действующем законодательном акте не предусмотрена конкретная мера ответственности за эти деяния. Примеры фактического привлечения к ответственности в судебном порядке носят единичный характер. Выход из сложившейся ситуации возможен в случае дополнения ст.17.12 Кодекса об административных правонарушениях словами «а также членов казачьих обществ, внесённых в Государственный реестр казачьих обществ в Российской Федерации»» [5, с. 73-83].

Широкое распространение получила практика привлечения казаков к включению в мобилизационный людской резерв Министерства обороны Российской Федерации. При этом необходимо увеличение предельного возраста заключения контракта для пребывания в мобилизационном людском резерве: сближение предельных возрастов заключения контракта и пребывания в резерве позволило бы каждому конкретному гражданину заключить ещё несколько контрактов.

Таким образом, на сегодняшний день российское казачество как открытая и целостная система характеризуется наличием потенциала, перспектив и заинтересованности в дальнейшем развитии. Тем не менее, нормативная правовая база его деятельности нуждается в продуманных изменениях, которые позволят казакам приносить максимум полезных результатов для общества и государства. Только консолидация российского казачества вокруг государственных задач и выработка единых подходов будут способствовать его движению к целевым горизонтам.

В заключение можно сделать ряд выводов:

На современном этапе казачество представляет собой важный государственный ресурс в сфере обеспечения безопасности государственного управления в Российской Федерации.

Ключевые критерии, определяющие казачество с правовой точки зрения – это государственная служба, то есть выполняемая социально значимая функция, а также устойчивая правовая связь гражданина с зарегистрированной казачьей организацией определённой организационно-правовой формы, а не родство и происхождение. Правовой статус «казак» является не врождённым, а приобретаемым.

В качестве цели государственной политики в отношении казачества заявлено привлечение его к решению государственных задач именно на основе общественно-государственного партнёрства.

В этой связи одной из мер по совершенствованию правовых основ казачества может стать уже назревшая разработка и принятие Федерального закона «Об общественно-государственных и государственно-общественных объединениях», к числу которых следует отнести казачьи общества, изъяв их из категории некоммерческих организаций.

Использованные источники:

1. Бакурадзе А.Б. Содержание и структура ценностей казачества: ценности-цели, ценности-средства и ценностные ориентации // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. – 2022. – № 2.
2. Безруков А.В., Крысанов А.В., Пономарева В.В. Роль общественных формирований в обеспечении конституционного правопорядка в России // Вестник Московского университета. Серия 21: Управление (государство и общество). – 2021. – № 3.

3. Васильева И.В., Кислицына О.С. Некоторые особенности правового статуса казачьих обществ // Следственная деятельность: проблемы, их решение, перспективы развития: материалы V Всероссийской молодёжной научно-практической конференции. – Москва, 2022.
4. Демичев К.А. Казачество как хронодискретный феномен: введение в проблему // Актуальные проблемы и перспективы развития научной школы Хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения. Сборник научных трудов по материалам Пятой всероссийской научной конференции. Под редакцией А.А. Демичева, К.А. Демичева. – Нижний Новгород, 2022.
5. Ершов И.Л. Правовые аспекты основных направлений деятельности российского казачества // Академическая публицистика. – 2022. – № 8-2.
6. Зотов В.Б., Чупрова Ю.Н. Казачество как историческая основа современного местного самоуправления // Муниципальная академия. – 2022. – № 1.
7. Канев М.Н., Назаров В.Л. Привлечение потенциала казачества к профилактике экстремизма // Инновационный потенциал молодежи: спорт, культура, образование. Сборник научных трудов. под общей редакцией А.В. Пономарева, Н.В. Поповой; Министерство образования и молодежной политики Свердловской области; Казахский национальный университет имени аль-Фараби; Кыргызско-Российский Славянский университет имени первого Президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина; Российско-Таджикский (Славянский) университет; Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина. – Екатеринбург, 2022.
8. Колесникова М.Е., Невская Т.А. Изучение истории казачества на Ставрополье: состояние и перспективы // Гуманитарные и юридические исследования. – 2022. – Т. 9. – № 3.
9. Колесникова М.Е., Невская Т.А. Изучение истории казачества на Ставрополье: состояние и перспективы // Гуманитарные и юридические исследования. – 2022. – Т. 9. – № 3.

10. Колосова Н.Н. Роль казачества в становлении российского гражданского общества // Развитие аграрной науки и практики: состояние, проблемы и перспективы: материалы международной научно-практической конференции, посвященной 115-летию агрономического факультета Донского ГАУ. Персиановский, – 2022.
11. Кузьмин Е.О., Кузьмина И.В. Классификация угроз национальной безопасности: правовой аспект // Вестник Национального Института Бизнеса. – 2022. – № 2 (46).
12. Лежнина В.Н., Сосна Л.В. Казачество как пример эффективной практики патриотического воспитания // Реализация ФГОС как механизм развития профессиональной компетентности педагога: инновационные технологии, лучшие образовательные практики. Материалы IV Всероссийской тьюторской научно-практической конференции с международным участием. – Краснодар, 2022.
13. Папченко В.А., Бушманов Р.В. Возрождение казачества на законодательном уровне // Правовая культура: эпоха вызовов и перемен. Сборник научных трудов по материалам научной конференции. – Ростов-на-Дону, 2022.
14. Петров Т.А., Беженцев А.А. Взаимодействие правоохранительных органов и казачества: историко-правовой очерк // Административно-правовое регулирование охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности: проблемы и пути их решения: материалы ежегодной межвузовской научно-практической конференции. – Санкт-Петербург, 2022.
15. Ратушняк О.В. Основные этапы и аспекты возрождения казачества (на примере кубанского казачьего войска) // Баталпащинские чтения – 2022: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, приуроченной к 100-летию образования Карачаево-Черкесской Республики, 100-летию подвига новомучеников и исповедников Церкви Русской при изъятии церковных ценностей, 190-летию

- образования Кавказского линейного казачьего войска. Отв. редактор Н.В. Кратова. – Черкесск, 2022.
16. Рудь О.В. Самоидентификация современного казачества в центральных регионах Российской Федерации // Наука и образование в современном вузе: вектор развития: сборник материалов научно-практической конференции. – Шуя, 2022. – С. 242.
17. Сон Н.В. Развитие института казачества в Российской Федерации // Стратегия развития казачества на дальнем востоке: вчера, сегодня, завтра: сборник статей по материалам всероссийской научно-практической конференции. – Новосибирск, 2020.
18. Таскаева Е.В. Проблемные аспекты определения правового статуса казачества в современной России // Стратегия развития казачества на дальнем востоке: вчера, сегодня, завтра: сборник статей по материалам всероссийской научно-практической конференции. – Новосибирск, 2020.
19. Шафажинская Н.Е. Патриотическое служение казачества: воинская культура и защита отечества в исторической ретроспективе // Россия в контексте межкультурных коммуникаций. XX-XXI век. – Москва, 2022.